

Возрастная сегрегация становится реальностью в современной урбанистике. Появляются города и поселки, в которых совсем нет молодежи, а живут только люди «третьего возраста». Тенденция к выносу университетских кампусов за пределы городов может привести к расширению практики возрастной сегрегации. Можно предполагать, что по мере «выселения» молодежи из города, он будет становиться более консервативным, менее толерантным и менее витальным. В разные годы было создано несколько проектов кампуса Иркутского государственного (классического) университета, предполагающих размещение в структуре города. В последнее время возникают идеи вынести кампус за городскую черту. При обсуждении вариантов размещения кампусов необходимо учитывать возможные эффекты «обезмолодеживания» города.
Ключевые слова: кампус, возрастная сегрегация, третий возраст, социальная психология, урбанистика. /

The age segregation becomes reality in today's urbanistics. There are cities and settlements in which there is absolutely no youth, only people of 'the third age'. The tendency to carry university campuses out of city borders can lead to expansion of an age segregation practice. It is possible to assume that in the process of 'eviction' of youth from the city, it will become more conservative, less tolerant and less vital. In different years several projects of Irkutsk State (classical) University campus were proposed assuming location of the campus within the city structure. Recently there have been ideas to locate the campus outside the city line. When discussing options of campus location, it is necessary to consider possible effects of "deyouthification" of the city.
Keywords: campus; age segregation; third age; social psychology; urbanistics

После крысолова / After the Pied Piper

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

*В Иркутске постаревших нет.
Здесь каждый сердцем молод.
Хоть много Иркутску лет –
Иркутск – студенческий город
Песня 1970-х годов*

^ Жилая застройка Иркутского государственного университета, арх. В. Бух, С. Калинин

26 июня 1284 года произошло знаменательное событие. Власти вольного города Гамельна, разбогатевшего на торговле зерном, наняли бродячего крысолова, чтобы он своей оловянной дудочкой выманил из города крыс. Однако после того как крысолов свою задачу выполнил, магистрат посчитал запрошенную им сумму слишком высокой и отказался платить. Тогда крысолов заиграл на «серебряной дудке странного вида», зачаровал ее звуками сто тридцать городских детей и навсегда увел их из города.

Эта старинная легенда многократно обыгрывалась в поэзии, прозе, музыке, в политике и публицистике... многие авторы (в том числе знаменитые, вроде Цветаевой, Гете или Бродского) использовали этот сюжет или пытались представить себе, что произошло далее с детьми, ушедшими с Крысоловом. Но почему-то никто не пытался описать город, из которого ушли все дети.

Между тем подобные города существуют.

В 1947 году бывший минчанин Беня Шлейфер, захав в Аризону (совершенную дыру в США в те времена), решил создать там социалистический городок для стариков по образцу коммунистических кибуцев. Через несколько лет строительный магнат Делл Вебб увидел в проекте Шлейфера коммерческие возможности и начал скупать землю и строить небольшие коттеджи для пожилых людей. Минимальный возраст переселенцев установили в 55 лет. Городок получил название Сан-Сити. С 1962 года проект успешно развивался: пожилые люди со всей Америки перебирались в этот «социалистический рай для стариков». Граждане Сан-Сити живут на пенсию, некоторые получают доходы от дивидендов по акциям или от сдачи в аренду недвижимости. В городе тихо, спокойно, безопасно. Можно даже немного поработать, например в столярной мастерской, но за это надо доплатить скромную сумму [1]. Сегодня только в Аризоне таких городков (все они

называются Сан-Сити) около пятидесяти, а во всей стране их более 440 [2].

Подобные города без молодежи сами собой возникают в стареющей Европе (например, городок Горрето в Лигурии, на севере Италии, где последний раз ребенок родился 13 лет назад), и в Японии.

В градостроительной теории уже появилось специальное направление – «урбанизм третьего возраста», изучающее закономерности жизни городов со средним возрастом населения 55 лет и выше [3].

Что происходит с городом, из которого ушла молодежь? Последствия возрастной сегрегации изучены пока что очень слабо, особенно на российском материале. Между тем образование кампусов и вынос университетских комплексов из города как раз и приводит к тому, что молодежь начинает жить обособленно, сегрегируется от «взрослого» населения. Например, если университеты Иркутска массовым порядком переедут из центра города в загородные кампусы, то к чему это приведет?

Некоторые последствия очевидны. Вслед за молодежью будут вынуждены уйти секторы торговли, ориентированные на молодежного потребителя, – в сфере модной одежды и обуви, общественного питания и особенно в индустрии развлечений. Заметно изменится карта транспортных потоков, когда десятки тысяч студентов перестанут каждый день ездить на занятия и обратно. Из бюджета города исчезнет сразу несколько статей дохода от товаров и услуг молодежного спектра.

Другие эффекты «обезмолодеживания» не так просты и понятны. Феномен молодежи и ее роль в современном обществе изучается целым комплексом гуманитарных наук [4]. Приведем лишь некоторые социально-психологические эффекты возрастной сегрегации, наиболее ясные.

1. Молодежь является самой динамичной, подвижной частью населения. Именно молодые люди наиболее «легки на подъем» во всех смыслах: они любят путешествия, готовы воспринимать новые идеи и новаторские подвиги в образе жизни, они первыми осваивают новые технические устройства (например, сетевые средства связи) и так далее. Соответственно, лишенный молодежи город неизбежно становится консервативным. Любые но-

винки в нем приживаются медленнее, труднее, неохотнее. Тем более нельзя ожидать, что в «городе стариков» будут разрабатываться и возникать какие-либо инновации. Кому же придет в голову ждать новостей из аризонских Сан-Сити? Жизнь там тихая, спокойная, налаженный быт совсем не способствует нововведениям.

2. Молодежь в среднем толерантнее, чем люди «взрослых» возрастов. Молодой человек в большей степени готов воспринимать другой, непривычный образ жизни с интересом и энтузиазмом, а не с враждебностью и презрением. Правда, если уж молодые проникаются идеями национальной или религиозной нетерпимости, то именно они становятся носителями самых экстремальных форм этой ненависти. Но, как правило, за каждым молодежным экстремистским движением легко просматриваются фигуры людей старшего поколения, которые играют роль учителей, вождей и направляют одну молодежь на другую.

3. Молодежь в целом жизнерадостнее и жизнелюбивее, чем взрослые. Мощная витальность молодых позволяет им экспериментировать с депрессивными состояниями и крайне пессимистическими идеологиями – так возникают молодежные субкультуры вроде эмо или киберпанк. Когда подобные идеи овладевают взрослыми умами, появляются самоубийственные, изуверские секты типа скопцов или Народного храма. Молодые слишком любят жизнь, у них то же самое ограничивается унылой музыкой и мрачным макияжем.

В городе, лишенном молодежи, закономерно нарастает консерватизм, ксенофобия и депрессивные тенденции. Город стариков приобретает черты, присущие старости, – недоверие к новинкам, нелюбовь к чужакам, усталость от жизни и пессимизм.

Сегодня на фоне «демографической ямы» девяностых годов процентное содержание молодежи в российском обществе упало до небывало низкого уровня. Никогда в истории нашего народа количество молодых людей в его составе не было так мало. На таком фоне студенчество Иркутска выглядит редким исключением – три десятка университетов насыщают город молодежью.

Вот, скажем, старейший университет Иркутска (классический по неофициальной номенклатуре). Ему принадлежит несколько исторических зданий в центральной части города, в том числе бывшая резиденция Иркутского генерал-губернатора (а теперь Научная библиотека ИГУ).

В семидесятых годах в связи с формированием Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР и строительством Иркутского Академгородка классическому университету были отведены земли под застройку на левом берегу Ангары. Предполагалось, что там, в непосредственной близости от академических институтов, студенчество будет активно приобщаться к передовой науке.

В 1978 году был сдан в эксплуатацию шестой учебный корпус ИГУ и прилегающее здание общежития. Как раз в этом году я поступил на химический факультет ИГУ, который и разместился в новом корпусе. И проект, и качество постройки были, прямо скажем, не на высоте. Ленточное остекление в условиях сибирской зимы обеспечило такой уровень «свежести» в корпусе, что замерзал даже бензол (температура плавления 5,5 °С). Тем не менее мы очень радовались просторным, светлым, хорошо оснащенным лабораториям.

Тогда же были разработаны проекты развития левобережного кампуса ИГУ – компактного, комплексного, но не изолированного от структуры города. Напротив, градостроительная стратегия обещала опережающее развитие именно левобережных районов, в первую очередь за счет университетско-академического комплекса, и превращение Иркутска в крупнейший интеллектуальный центр мирового уровня.

Проекты не были реализованы. Площадки под застройку постепенно распродавались в случайные руки, финансовые и политические возможности университета убывали... и сегодня как-то сам собой всплывает вопрос: а не построить ли для ИГУ кампус за городской чертой? Распродать корпуса в историческом центре, а на вырученные суммы возвести с нуля университетский комплекс где-нибудь подальше...

Что будет с городом, если выселить студентов в загородные кампусы и запереть там? Кто захочет жить в Иркутске, если он станет консервативнее, враждебнее к чужакам и еще депрессивнее, чем сейчас? Без яркого, пярного, буйного праздника молодой жизни – захочет ли старшее поколение преодолевать тяжелый климат, географическую удаленность от всего мира, деградацию локальной культуры... Не столкнемся ли мы, иркутяне, с ситуацией, когда молодежь из города убрали, а старикам тут не место?

Хорошо было бы об этом подумать прежде, чем начнут проектироваться и строиться иркутские кампусы.

Список литературы

1. Lokke M. (2012). The old age in Sun City. The New Yorker, Dec. 18.
2. Grimm M. (2015). Want to grow old in Paradise? Open Knowledge. URL: http://knowledge.allianz.com/demography/retirement_pensions/?2832/Active-retirement-and-ageing-in-Sun-City-phoenix-arizona
3. Simpson D. (2010) Third Age Urbanism: retirement utopias of the yang – old. Diss. ETH No. 19064. M.S. AAD Columbia University of New York. URL: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:2657/eth-2657-02.pdf>
4. Луков В. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон+. - 528 с.

References:

- Grimm M. (2015). Want to grow old in Paradise? Open Knowledge. URL: http://knowledge.allianz.com/demography/retirement_pensions/?2832/Active-retirement-and-ageing-in-Sun-City-phoenix-arizona
- Lokke M. (2012). The old age in Sun City. The New Yorker, Dec. 18.
- Lukov V. (2012). Theories of Youth. Interdisciplinary analysis. [Теории молодёжи. Междисциплинарный анализ]. Moscow: Kanon+
- Simpson D. (2010) Third Age Urbanism: retirement utopias of the yang – old. Diss. ETH No. 19064. M.S. AAD Columbia University of New York. URL: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:2657/eth-2657-02.pdf>

в Градостроительная концепция развития территории Иркутского государственного университета, арх. В. Стегайло, О. Бадуга, С. Петров, И. Логванов, Ю. Лифантьева

